

ПОНЯТИЕ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Sharykin B.V.

THE CONCEPT OF "CIVIL SOCIETY" IN THE THEORY OF HISTORY

Реферат. Автор рассматривает содержание понятия «гражданское общество» и его значение для исторической теории. Этот анализ делает возможным предположение, что в понятии «гражданское общество» исторически соединены гетерогенные по своей природе явления, относящиеся к разным историческим эпохам.

Abstract. While analysing concept of the so-called “civil society” and its role for the theory of history, author argues that this concept covers heterogeneous elements, belonging to different epochs of history.

Ключевые слова: гражданское общество, буржуазное общество, «этика дискурса», волонтиариат, «антигражданское общество».

Key words: civil society, bourgeois society, the ethic of discourse, voluntariat, “anti- civil society”.

Хотя все темы, связанные с понятием «гражданское общество» и воспринимаются как совершенно «избитые», есть потребность разобраться в этой теории ещё раз, подойдя к ней не так, как её трактует социально-политическая наука, а с точки зрения теории исторического процесса.

Понятие гражданского общества является относительно новым для нашей страны. Имеется статистика, правда, немного устаревшая, согласно которой 78 % россиян затрудняются сказать, что такое гражданское общество. Отчасти это — следствие сложности и запутанности вопроса, отчасти — результат преднамеренной заболтанности, идеологизированности как темы, так и понятия [27, с. 125]. Сказывается также типичная для эпохи постмодерна ситуация накопления бесконечных комментариев к комментариям по поводу классических работ, когда уже самой проблемы просто не видно из-за вороха текстов. Отнюдь не претендуя на какие-то окончательные ответы, ещё раз зададимся вопросом, что такое гражданское общество — вдруг наш взгляд окажется «свежим». Для этого нам придётся остановиться на истории и понятия, и самого явления, специально на проблемах изучения истории гражданского общества в России и даже немного на перспективах его развития в нашей стране.

Хотя далее мы намерены подробно рассмотреть содержание понятия «гражданского общества», но уже сейчас (избегая дефиниции) в общем определим, о каком общественном явлении пойдёт речь. В наиболее распространённом варианте термин «гражданское общество» обозначает: 1) сеть добровольно образовавшихся негосударственных структур в различных сферах жизни общества; 2) совокупность негосударственных общественных отношений — экономических, политических, социальных, духовных и иных. Теперь попытаемся поточнее определить понятие и с точки зрения его истории и с учётом его содержания.

Это понятие имеет довольно длительную историю. Сам термин «гражданское общество» впервые встречается у Цицерона, но без того содержания, которое в него обычно вкладывают. Иногда в литературе можно встретить мнение, что истоки понятия «гражданское общество» находятся в произведениях таких древних авторов, как Платон и Августин Блаженный. На самом деле, Платон, как и Аристотель, не различал общество и государство. Августин же, а с ним и позднейшие реформаторы церкви Лютер и Мюнцер разделяют общество на государство и религиозную организацию, и делают это по признакам религиозным и этическим, а не по критерию характера организованности: спонтанна она или имеет источником внешнюю силу — государственное принуждение. Так что, в действительности, основы современного понимания «гражданского общества» появляются впервые лишь в Новое время, в XVII веке, в Нидерландах и Англии в трудах юристов и философов Г. Гроция, Т. Гоббса и Дж. Локка. Впрочем, во Франции сам термин впервые упомянут в комментариях к «Политике» Аристотеля даже раньше — ещё в XVI веке. XVI—XVII века в истории Европы были временем становления буржуазного общества и буржуазной общественной мысли. В ту эпоху авторы уже не отождествляли гражданское общество с государством или формами государственного правления, но и не противопоставляли им. Обычное противопоставление этого времени вытекает из теории «общественного договора»: естественное состояние (т.е. доцивилизационное) — гражданское общество.

Джон Локк весьма близко подошел к классическому представлению о гражданском обществе, когда писал, что *«абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом, и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления»* [17, с. 312]. Гражданское общество Локк часто называл политическим. При политическом обществе государство должно действовать строго в рамках закона, а люди имеют право на сопротивление тирании. Таким образом, уже в XVII веке понятие «гражданское

общество» включало в себя столь важные составные, как договор, учет интересов граждан и их реализацию.

Более чётко различает гражданское общество и государство немецкий философ начала XIX в. В. фон Гумбольдт. Он выделил три основных момента в различении гражданского общества и государства: 1) с одной стороны, есть система национальных общественных учреждений, формируемых «снизу», то есть гражданами; с другой — система государственных институтов; 2) различия между естественным правом и «позитивным правом», предписываемым государством; 3) различия человека и гражданина. В мировоззрении Ж.Ж. Руссо представлена субординация гражданского общества и государства, в которой гражданское общество является «сувереном», имеющим деятельную природу. Ему подчинено государство, наделённое, напротив, неподвижной и жёсткой формальной структурой.

Прямо таки «певцом» гражданского общества был американский просветитель Томас Пейн. Гражданское общество он характеризовал только положительными чертами, государство — только отрицательными: «Общество в любом состоянии есть благо, правительство, даже и самое лучшее — необходимое зло, в худшем случае оно — нетерпимо» [5]. Государство призвано обеспечить свободу и безопасность граждан, хотя, и ограничивает их естественные права.

Для развития теории гражданского общества немало сделали один из «отцов-основателей» США Дж. Мэдисон, историк А. де Токвиль, философ И. Кант и шотландский священник и юрист А. Фергюсон. А. Фергюсон был, между прочим, первым литератором из писавших на английском языке, кто систематически использовал термин «гражданское общество» [37, с. XI]. Но наиболее крупным теоретиком гражданского общества считается Г.В. Ф. Гегель, выразивший в своей «Философии права» впечатления от бурно развивавшегося гражданского общества в современном ему буржуазном Берлине с его рыночной экономикой, корпорациями, сложной сетью социальных коммуникаций [38, с. 11]. Есть две причины, по которым нам следует особенно внимательно отнестись к взглядам Г.В.Ф. Гегеля: во-первых, Гегель первым дал столь основательно разработанную теорию гражданского общества, и от его идей отталкивалось большинство авторов, которые о гражданском обществе писали, а во-вторых, теориям Гегеля дают теперь весьма разные интерпретации.

В различных своих работах, и прежде всего в «Философии права» Гегель определяет гражданское общество как «дифференцию» между семьёй и государством, сферу, в которой люди взаимодействуют ради удовлетворения своих жизненных потребностей [7, с. 227], прежде всего — материальных. Индивиды и связаны здесь

своекорыстными материальными интересами. Его характеристики впечатляют своей реалистичностью: «Духовное животное царство» [26, с. 49], в котором «каждый для себя цель, всё остальное для него ничто. Однако, без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всём их объёме: эти другие суть потому средства для цели особенного» [7, с. 228 (§182)]. Комментируя это место, К. Маркс позднее напишет: «Здесь замечательно ... определение гражданского общества как *bellum omnium contra omnes*» [32, с. 49].

Личность в гражданском обществе есть по Гегелю эгоистический субъект и преследует свои корыстные цели, но может достигнуть их, то есть удовлетворить свои потребности, только через деятельность других лиц, и «эгоистическая цель, обусловленная таким образом в своём осуществлении всеобщностью, обосновывает систему всесторонней зависимости. Эту систему можно ближайшим образом рассматривать как внешнее государство, как государство нужды и рассудка» [7, с. 228 (§183)]. Неправда ли, похоже на «невидимую руку» Адама Смита — классического теоретика буржуазно-либеральной системы. Да Гегель и прямо упоминает А. Смита в ряду с Рикардо и Сэем в тексте «Философии права»: они «отыскивали в множестве единичностей (читай: в свободной стихии рынка — *Б.Ш.*) управляющий ими рассудок» [7, с. 189]. Со своей стороны А. Фергюссон, который и вовсе входил вместе с А. Смитом в один Эдинбургский кружок мыслителей, вторит и Смиту и Гегелю, что общественный интерес «обеспечивается не радением за него всех людей, а тем, что каждый индивид со своей стороны решительно отстаивает собственный интерес» [31, с. 196]. Чуть ниже Фергюссон добавляет: «Свобода сохраняется благодаря постоянным противоречиям и столкновениям между группами людей, а не благодаря конкурентным усилиям, предпринимаемым внутри справедливого правительства» [31, с. 196—197].

Так что, Гегель и, как мы убедились, целый ряд его современников весьма точно описывает вполне определённое общество — буржуазное, да и терминологически немецкий философ не отличает его от гражданского общества. Оба понятия — «гражданское» и «буржуазное» — передаются в немецком языке одним и тем же словом (точнее, передавались: в современном немецком языке старый термин, означавший буквально «буржуазное общество» был заменён новой калькой с латыни, и стал «гражданским обществом» [38, с. 39]). Гегель подчеркивает в структуре гражданского общества роль экономики и, прежде всего торговли, считает глубоко естественными и неизбежными контрасты бедности и нищеты, роскоши и богатства («...гражданское общество представляет собой зрелище как излишества, так и нищеты и общего им обоим физического и нравственного упадка» [7, с. 230, §189]) и тщательно продумывает

сословную (и корпоративную) его организацию. Можно подумать, что, используя термин «корпорации», Гегель имеет в виду гильдии, цехи, торговые компании, т.е. реалии средневековой эпохи, однако, он сам же находит нужным отмежевать свои «корпорации» от того, что было негативным в «старом порядке». Видимо, философ полагает, что объединения разного рода будут характерной чертой буржуазного (гражданского) общества и в дальнейшем: «...из всех сословий корпорация по преимуществу свойственна промышленному, направленному на особенное» (направленность на «особенное» здесь — преследование частного интереса) [7, с. 275].

Исторически эпоха гражданского общества характеризуется Гегелем как современная, которая и была временем развития промышленного капитализма в Европе: «Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право» [7, с. 228, (§182)]. Последнюю оговорку следует понимать так, что хотя понятие гражданского общества реализовалось в современную эпоху, некоторые его элементы и предпосылки могли возникнуть и ранее. Вместе с тем, по Гегелю, гражданского общества как оформившегося явления не знали ни Древний Восток, ни Античность, ни раннее Средневековье.

Гегелевские идеи имели в XIX веке разные судьбы. Русские гегельянцы, например Б.Н. Чичерин, увидели, прежде всего, их либеральное содержание и использовали понятие гражданского общества для критики института крепостного права как основы несовместимого с гражданским антисоциального порядка, повреждающего душу человека и порождающего необузданный произвол со стороны господ, раболепство и ложь со стороны крепостных рабов [28]. С другой стороны, западные гегельянцы — марксисты развили идеи Гегеля таким образом, чтобы использовать их для обоснования практики социальной революции.

Но, прежде чем говорить о марксизме в связи с теорией гражданского общества, остановимся немного на некоторых современных оценках гегелевской идеи. Никто не решается, конечно, оспаривать содержательности гегелевского анализа. Однако, встречаются замечания, что он имел «усечённый» характер [10, с. 4]. «Усечённость» проявляется будто бы как раз в том, что Гегель сводил гражданское общество к экономической структуре буржуазных отношений, поскольку основывал свой анализ всего на двух принципах: 1) индивиды в своей деятельности ориентируются только на свои частные интересы, 2) между ними образуются отношения всеобщей взаимозависимости [10, с. 3]. С другой стороны есть в нашей философско-политической мысли и противоположная тенденция — отрицать, что гегелевское гражданское общество есть общество буржуазное. В этом случае подчёркивается, что Гегель не был буржуазным

философом, что характеристику «буржуазный» дали ему философы бывшей ГДР [23, с. 20].

На это стоит заметить, что Гегель, конечно, не был «буржуазным философом», он был просто философом, но его идеи, тем не менее, отражали определённые реалии эпохи. Что же касается до философов ГДР, то первым, кто пришёл к выводу о тождественности гегелевского гражданского общества буржуазному обществу, был К. Маркс, а вовсе не философы социалистической восточной Германии. Рассуждения Н.В. Мотрошиловой, которой принадлежат приведённые соображения о гегелевской теории гражданского общества, клонятся к тому, чтобы признать, что основой этой теории было представление о необходимости существования общественного разделения труда ради удовлетворения многообразных потребностей граждан; труда, основанного на «честном, добросовестном выполнении взаимного долга..., состоящего в максимальном учёте конкретных потребностей других его членов и в обеспечении возможностей для их реализации» [23, с. 27]. Эта попытка сделать немецкого идеалиста ещё идеалистичнее, чем он был на самом деле, не кажется нам стоящим предприятием.

Ни тот, ни другой подход к новому пониманию Гегеля не являются обоснованными. Гегель не сводил гражданское общество к системе буржуазных социальных отношений, но в то же время не придавал гражданскому долгу и удовлетворению общественных потребностей самодовлеющего значения. В гражданском обществе, согласно Гегелю, «всеобщность» (читай — «гражданский долг» и т.п.) «формальным образом лишь светит в особенности» [7, с. 227 (из §181)] (т.е. в эгоистической деятельности субъектов).

Между тем, взгляды Н.В. Мотрошиловой — только частный случай становящейся всё более распространённой на Западе точки зрения, согласно которой, гражданское общество не должно быть связано с каким-то определённым общественным строем. Такова, например, позиция Фрэнка Трентмана. Этот автор указывает на то обстоятельство, что понятие гражданского общества сохраняет свою живучесть на протяжении всего большого периода XIX—XXI вв. Несмотря на то, что в начале XX века оно, казалось бы, исчезло, но уже в середине столетия появилось вновь. При этом понятие поворачивалось всё новыми гранями, демонстрируя неисчерпаемость и живучесть самого явления. Отсюда, Ф. Трентман делает вывод, что нужно подойти к пониманию сути гражданского общества с точки зрения того, как оно функционирует (так сказать, «функциональный» [40, с. 7] подход), не следует задаваться вопросом о его социально-классовой природе. Важным дополнительным мотивом к такому подходу для Трентмана является ещё и то, что его «функциональность» даст возможность избежать

идеологического «мастер-нарратива» [40, с. 7]. Так на языке постмодернизма именуется любые попытки всеобъемлющего объяснения исторических явлений, что с точки зрения современных постмодернистов является непростительным грехом. Трентман не замечает, однако, что предлагаемый им самим подход тоже исходит из одной всеобъемлющей идеи (идеологически окрашенной, кстати) — идеи вечности существующих исторических условий, а это тоже «мастер-нарратив». От таких нарративов не так-то просто уйти.

Впрочем, можно согласиться с правотой Трентмана насчёт возможности «функционального» подхода, как и насчёт живучести идеи «гражданского общества», но только в рамках существующего и поднесь типа общества — буржуазного мира. Так что подход Фергюсона — Гегеля к пониманию того, что такое «гражданское общество» как исторический феномен, сохраняет свою ценность и сейчас.

В целом, в результате усилий мыслителей эпохи «модерна», как ее называют на западе, то есть в XVII—XIX вв., по подсчетам Джона Кина было сформулировано 5 вариантов понимания того, что такое гражданское общество [14, с. 80—82]. В своем развитом и наиболее распространенном виде эта теория включает в себя следующие положения.

Человеческое общество («социум») на определенной стадии развития, с возникновением государства, превращается в общество политическое, в котором функционирует ряд связанных с государством институтов, осуществляющих политическую власть. Первоначально эта власть почти тотальна, но со временем складывается сфера жизни, свободная от государственного регулирования — гражданское общество, сфера самодеятельности индивидов. Специально исследовавший проблему английский историк Энтони Блэк считает, что уже в 13 веке в Европе происходит становление некоторых элементов и ценностей гражданского общества через разные коллективистские структуры: коммун, корпорации, купеческие гильдии, ремесленные цехи. Под основными ценностями складывающегося европейского гражданского общества имеются в виду: личная безопасность гражданина, свобода от господства с чьей бы то ни было стороны, право на частную собственность, равенство всех перед законом, право на неприкосновенность частной жизни (privacy) [11, с. 10—11]. Часть этих ценностей индивидуалистичны и принадлежат буржуазной эпохе, часть же унаследованы от средневековых гильдий — братств и связаны с идеалами социальной солидарности. Такая «смесь общественного духа и эгоистического интереса» заметна в деятельности уже средневековых цехов [36, с. 8]. Правда, средневековые гильдии стремились установить монополию и ограничить конкуренцию, а свободу понимали как равенство [36, с. 74], но в

общем ценности гильдейской ассоциации и будущего гражданского общества «как красные и белые corpusculы крови» плавали в средневековой ментальности [36, с. 44].

То, что гражданское общество ранее всего и в наиболее развитом виде сформировалось именно в Европе, было предопределено рядом особенностей исторического развития, на которых не будем останавливаться. Гильдии со временем, считает Э. Блэк, превратились в профсоюзы, промышленные корпорации и кооперативы [11, с. 13]. Есть даже мнение, что элементами гражданского общества можно считать целый ряд явлений в прошлом типично «средневековых»: церковь, сословия, даже рыцарские ордена [13, с. 197]. Нам представляется, что это верно, если учесть, что произошло существенное изменение природы самих этих организаций, которые из иерархий, пронизанных жесткими властными отношениями, превратились в добровольные объединения — корпорации (назовём их так, тем более, что и Гегель их так называет). Раньше всего, в XVIII веке, гражданское общество сформировалось в Англии — стране наиболее раннего и динамично развивавшегося капитализма [1; 37, с. XIX].

Как принято считать в рамках классической теории гражданского общества, чем более это общество развивается, тем более ограничивается — «минимизируется» государство, тем больше гарантий против возникновения государственного деспотизма. Гражданское общество традиционно всегда рассматривается как средство избежать политического отчуждения, то есть чувства бессилия, исключённости из общественной жизни, невозможности влиять на власть.

«Минимизированное» государство становится «правовым». В нём, полагают теоретики гражданского общества, господствует закон, определяющий даже условия функционирования власти, и имеется четкое разделение властей. Поэтому становление гражданского общества и правового государства происходило параллельно. Другим условием существования гражданского общества предполагается признание за всеми индивидами равных и неотчуждаемых, так называемых «естественных прав», под которыми подразумеваются права на жизнь, свободу и собственность. Идеология защиты прежде всего прав и свободы личностей получила название «либерализма». Усилиями мыслителей либерализма, как нетрудно заметить, в основном и создавалась только что охарактеризованная нами теория гражданского общества в своём, так сказать, «классическом» варианте. Проследим, как дальше эволюционировала эта теория.

К. Маркс, будучи гегельянцем, не мог пройти мимо одного из важнейших общественных понятий Гегеля, но подверг его некоторому переосмыслению в духе своей теории. Вот как К. Маркс определяет гражданское общество в первой главе «Немецкой

идеологии»: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени, хотя с другой стороны оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства. ...Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической [идеологической — *Б. Ш.*] надстройки» [20, с. 71]. Эта длинная цитата перечисляет все характерные черты гражданского общества: то, что оно (как у Гегеля) строится вокруг материальных отношений индивидов; то, что исторически оно, если не понимать его расширительно, возникает (и вновь как у Гегеля) только в буржуазную эпоху; и то, что государство производно от гражданского общества; и даже то, что характер самого государства определяется гражданским обществом.

Однако, марксизм переворачивает гегелевскую субординацию: в отношениях гражданского общества и государства, вторичным оказывается государство. А поскольку марксизм есть прежде всего историзм, и буржуазные общественные отношения не мыслились, как у Гегеля, вечными, то и судьба гражданского общества, понятого как характеристика буржуазного мира, определялась иначе.

В работе «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс размышляет о судьбах гражданского общества и государства («правительственная система») в Германии. Поскольку правительственная система в Германии — «пакость», то есть потребность в ее «критике оружием», но как условие для этого необходим разлад гражданского общества с государством и с самим собой.

Гражданское общество имеет классовую структуру, и каждый класс его в борьбе с правительством стремится освободить себя, освобождая, в известной степени и все гражданское общество. Так исторически постепенно, во французской манере может идти процесс освобождения. Если же оппозиционный класс представляет собой «социальный разум» и «социальное сердце», то он выражает всецело интересы всего общества и «во имя всеобщих прав он может претендовать на всеобщее господство». Таким классом гражданского общества, настолько радикально скованным цепями, что он в некотором смысле и не есть класс гражданского общества, таким бесправным сословием, что его можно назвать местом разложения всех сословий, является рабочий класс. Государство как выражение всех форм классового господства находится в сложном противоречии с различными элементами гражданского общества. Абсолютно бесправный класс пребывает

в состоянии абсолютного противоречия с государством и стремится освободить себя и всех, вовсе уничтожив государство [19, с. 9—13].

Гегель хотя и считал, что гражданское общество возникло на определённой стадии развития общества, но полагал, что оно есть финал возможного общественного прогресса, в этом смысле «вечно» [18]. У Маркса гегелевская категория перестаёт обозначать некое, в сущности, вечное явление — перерастающее себя и саморазрушающееся гражданское общество, устраняет ставшее не нужным и анахроничным государство. Финальную точку в размышлениях Маркса ставят «Тезисы о Фейербахе». Тезис 10 гласит: «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество» [20, с. 3]. Историзм в подходе к изучению судеб гражданского общества есть огромное достижение марксизма, как бы мы не относились к перспективам марксистского мировоззрения сейчас.

Здесь нужно сделать важную оговорку — до сих пор распространено мнение, что гражданское общество просто-напросто существовало всегда, поскольку всегда в обществе существовали механизмы, ограничивавшие всевластие государства, к гражданскому обществу причисляют общину эпохи древности, средневековые сословия, классы [25, с. 43]. При этом игнорируется то обстоятельство, что механизм обеспечения некоторого плюрализма в общественной жизни и ограничения всевластия государства может быть принципиально различным на разных исторических этапах. О причине этой ошибки — чуть ниже.

В.И. Ленина проблемы взаимоотношений гражданского общества и государства не волновали, как считается, по той простой причине, что ко времени Октябрьской Революции это общество в России было по европейским меркам недостаточно развито и роль силы, совершающей революцию и перестраивающей всю жизнь страны, должна была выполнить партия (хотя, по правде говоря, эта партия тоже была элементом гражданского общества). К тому же ленинизм по своей сути был нацелен на перепрыгивание исторической стадии буржуазного развития в России.

Зато для итальянского марксиста А. Грамши эта проблема была очень актуальна. Очевидно, исходя из негегелевской марксистской идеи о том, что государство есть продукт гражданского общества, а оно, в свою очередь, есть производное от экономических отношений, Грамши выделяет внутри современного общества целых три составных части («общества»): экономическое, политическое и гражданское. Грамши по достоинству оценивает крепость идейных и нравственных основ буржуазного господства: «На Востоке государство было всем, гражданское общество находилось в первичном, аморфном состоянии. На Западе между государством и обществом были упорядоченные

отношения, и если государство начинало шататься, тотчас же выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади была прочная цепь крепостей и казематов» [12, с. 200]. С точки зрения логики построения марксистской теории, разделяя общество на три сферы, Грамши, безусловно, делает шаг вперед — более глубоко постигает структуру буржуазной «формации» развитого этапа ее существования. В остальном Грамши воспроизводит Маркса: гражданское общество, которое он называл также «упорядоченным обществом» и даже «этическим государством» со временем поглотит государство, последнее просто растворится в нём. Однако, допущенное Грамши отделение в теории экономического «общества» от «гражданского» было чревато отрывом социальной структуры (области экономики) и собственно институтов гражданского общества, тогда как на самом деле они чрезвычайно близки.

Гегелевская идея неизменности форм человеческого общежития, приводившая к выводу, что гражданское общество является финалом человеческой истории, и представление Маркса о том, что эти формы могут радикально изменяться, получили развитие в трудах философов и социологов XX века. Как продолжатели этих традиций могут рассматриваться соответственно М. Фуко и Ю. Хабермас. И тот и другой были связаны с левыми партиями и это знаменательно, поскольку проблематика гражданского общества характерна в XX веке именно для европейских левых, которые после некоторого периода забвения в западной политической мысли возродили эту концепцию, пытаясь использовать её в критике «социалистического авторитаризма» советского образца [3, с. 48; 16, гл. П].

Строго говоря, М. Фуко вообще отрицал саму оппозицию гражданское общество — государство, поскольку считал ее порожденной контекстом XVII—XIX вв., когда она служила инструментом для ряда экономических течений в их противостоянии «административным амбициям государства и в борьбе за определенный тип либерализма». Сегодня не следует противопоставлять «торговое сообщество» в положительном смысле и государство в уничижительном смысле [22, с. 227] (любопытно, насколько М. Фуко откровенен в характеристике гражданского общества — «торговое сообщество»). Фуко справедливо указывает на то, что современная власть пронизывает всю социальную структуру общества, присутствуя в каждой ее точке; она, так сказать, распылена и тотальна, она стремится дисциплинировать любое поведение индивида. Вместе с тем, власть может существовать только на некоем фоне свободы, которая, таким образом, есть всегда, она — условие существования самой власти. Даже в средние века существовало некое пространство терпимости коронованных владык по отношению к

подвластному народу. И это пространство яростно защищалось народом как форма свободы. Фуко в духе постмодернизма отказывается давать сущностное определение власти, и это было бы, вероятно, справедливо, поскольку исторический подход не терпит «сущностей», если бы сам Фуко не исходил фактически из представления о некоей неизменной сущности власти.

Формально власть определяется им в модусе функционирования как управление. Условием же поддержания свободы оказывается постоянный агонизм (от греч. «агон» — конкуренция, соперничество) между отношениями власти и свободой субъектов [22, с. 85—86]. В этом агонизме власти и свободы нет постоянной границы, она подвижна; зато есть постоянные действия, сопротивления, маневры [33, с. 42]. И либерализм при таком понимании власти и свободы оказывается, с одной стороны, «техникой управления, сопровождающейся критической рефлексией относительно своей собственной практики», а с другой стороны — необходимостью «жить опасно», при которой индивид в борьбе отстаивает... свой социальный статус против «социальной патологии», опасности свалиться на «дно», маргинализации. В этом последнем утверждении виден коренной порок позиции Фуко — отстаивать приходится, в сущности, не свободу, а некую приемлемую для вас социальную нишу, все время находящуюся в подвижном состоянии. Эта ниша — мир устраивающей всех и, прежде всего, самого Фуко буржуазности. Общество, в сущности, мыслится пребывающим вовеки в некоем статус-кво, при условии изменений без развития, а историзм Фуко оказывается очень поверхностным.

При таких итогах отвергаемая оппозиция «гражданское общество — государство» неизбежно фактически возвращается обратно, а сам Фуко естественно вписывается в ряд мыслителей, вполне удовлетворённых вековечностью традиционного понимания гражданского общества — гегелевского, в котором «каждый для себя цель, все другие же суть для него — ничто». Еще раз подчеркнем, что такое гражданское общество есть буржуазное общество с его фактическим всевластием экономического и социального истеблишмента.

Иное понимание гражданского общества демонстрирует другой крупный социолог современности — Юрген Хабермас. Теория гражданского общества Ю. Хабермаса строится на межсубъективности или, как он сам выражается, «теории коммуникативного действия» и «этике дискурса». Для такого построения основания можно найти и у самого К. Маркса, когда в уже цитированном нами пассаже из «Немецкой идеологии» он говорит о том, что гражданское общество вырастает из «производства и общения». В процессе человеческой коммуникации и связанного с ней рационального рассуждения, утверждает Хабермас, вырабатывается общее согласие, объединяющее людей — консенсус. В

обсуждении проблем (дискурсе) важна свобода без принуждения и равный учет интересов каждого индивида.

Аргументация строится следующим образом. При решении сугубо практических задач размышление «определяется горизонтом целерациональности». Но если основные ценности нашей жизни становятся проблематичными (как в современную эпоху), мы тут же выходим в область этики: практический разум всегда направлен не только на целесообразное, но и на этическое, поскольку в конечном счёте имеет ориентацию на идеалы. Каждый участник дискурса вообще-то действует эгоистически, но поскольку его интересы переплетаются с интересами всех других, то через «цепь коллективных отождествлений» [34, с. 6—11] люди приходят к осознанию необходимости рационального консенсуса. Результаты консенсуса уже не просто имеют в виду практически важные цели, они ценностно-рациональны.

Слабость построения Хабермаса очевидна: если каждый участник коммуникации действует эгоцентрично, то одними «коллективными отождествлениями» не объяснить то, что в итоге мы имеем непосредственно переживаемое чувство долга, подобное категорическому императиву Канта. К тому же, если не переоценивать человеческой природы, то следует признать, что «рациональный консенсус» возможен только тогда, когда существует чрезвычайно плотная сеть социальных принуждений, основанных, в конечном счёте, все-таки, безусловно, на общей воле. Хабермас же, увы, взывает к совершенно идеалистической, спонтанно действующей добровольности. Это может быть и осуществимо, но едва ли как руководящий принцип организации общественной жизни в наше время. Вместе с тем, отчасти (т.е. не как определяющая сила) подобный элемент в жизни того, что мы называем «гражданским обществом» не есть только дело будущего, но и практика настоящего. Он иногда проявляется, например, в политике социал-демократов и лейбористов Западной Европы, в деятельности различных экологических или альтруистических организаций. Идеи Ю. Хабермаса, собственно и есть теоретическое осмысление не столько даже опыта, сколько благих намерений западной социал-демократии. Взгляды, подобные взглядам Хабермаса, довольно распространены в современном мире. Схожей теории придерживается, например, канадский социальный философ Чарльз Тэйлор [24, с. 13]. Европейские социал-демократы так ожесточённо настаивающие на том, что гражданское общество не связано со сферой экономики, и на том, что оно порождено развитием общественной коммуникации, дискурсом, а не буржуазными социальными отношениями, собственно говоря, отстаивают свой политический курс (и свой исторический выбор) — не социальный конфликт, а постепенные реформы как путь к «социализму». Не будем отрицать возможность такого

развития для Европы: чисто европейское понимание демократии, как это показал в своих работах Ф. Анкерсмит [2], вовлекая в процесс политического диалога, как правых, так и левых, действительно допускает возможность изменения через реформы даже самых глубоких основ социальной жизни (природа американской демократии, согласно Анкерсмицу, совершенно иная, что предопределяет её значительно меньший исторический потенциал). Но при такой предпосылке, естественно, что европейские левые не видят (не могут и не хотят видеть), что современное «гражданское общество» есть совмещение двух исторически и сущностно гетерогенных явлений. Мы говорим «сущностно», конечно, без всякой «метафизики», просто в смысле социальной определённости.

Решение проблемы выбора между двумя содержаниями понятия «гражданское общество» напрашивается само собой — перед нами не два понимания одного и того же явления, а два совершенно разных социальных образования. Первое — буржуазное «духовное животное царство», второе — свидетельство уже давно развивающегося внутреннего кризиса этого же буржуазного общества (современного этапа марксовой «вторичной формации»), движение интеллектуального, духовного протеста против отношений, характерных для этого самого «духовного животного царства». Действительно, на чём покоится представление о единстве гражданского общества? Очевидно, что само деление сферы социально-политической жизни на государство и гражданское общество есть результат операции, которая в логике называется дихотомией: гражданское общество характеризуется просто как нечто противоположное государству. Такова была традиция, сложившаяся в эпоху борьбы буржуазных либералов за автономию личности и общественности от государства. Мир несколько манихейским образом делился на плохое деспотическое государство и противостоящее ему хорошее самостоятельное общество. Человека, который мыслит таким образом, явно интересует только государство, причём как носитель отрицательных характеристик, а всё внегосударственное оказывается объединённым некоей теоретически неоправданной абстракцией. Между тем, из того, что внегосударственная сфера существует, не следует, что она есть нечто единое. Это чувствуют некоторые социологи, но, как представляется, из чисто идеологических соображений не желают признавать.

Современная историческая эпоха не является цельной. Внутренне противоречивы и сложны и ее характеристики. Та сложная совокупность явлений, что мы объединяем под названием современного гражданского общества, состоит, во-первых, из характерной еще для XVII—XVIII вв. совокупности корпораций, групп интересов, традиционных буржуазных партий; во-вторых, из левых политических партий, имеющих сложные

социальные программы, профсоюзов, групп волонтерата, образующих экологические и социальные движения. Первые являются гарантией открытости общества, то есть гибкости его институтов, предохраняющей общество от окаменелости. В этом смысле они выполняют полезную социально-политическую функцию, хотя пик их исторической востребованности уже в прошлом. К характеристике этой группы институтов очень подходит определение гражданского общества, которое дал историк А.Г. Володин: «состояние зрелости социума, ищущего равновесия на индустриально-капиталистическом базисе» [6, с. 104]. Вторые институты нацелены в будущее, они создают ценностный вектор социальных преобразований.

Возможно, читателю покажется, что этот вывод лежит в русле рассуждений «современных левых» [13, с. 199]. Не будем этого отрицать. Хотелось бы только подчеркнуть, что, на наш взгляд, можно говорить не о смене одного типа гражданского общества другим, более современным, носителем принципов социализма. Речь идет о весьма различных исторических явлениях, которые лишь слегка напоминают друг друга, предназначены для разных «формационных» контекстов. И их не стоит уподоблять друг другу, объединяя одним понятием. В наше время они сосуществуют вместе, стиснутые одним историческим контекстом в единую социальную среду, они воспринимаются как одна сфера общественной жизни — «гражданское общество». Впрочем, в обозримом будущем им суждено сосуществовать и дополнять друг друга в условиях длительной эпохи общественной трансформации. С этой точки зрения можно согласиться с употреблением понятия «гражданское общество», надо только постоянно иметь в виду, что это понятие сложное (может быть, даже собирательное).

В функциональном плане гражданское общество в современной Европе и впрямь можно считать чем-то единым, при условии, что на нынешнем историческом этапе различные общественные и политические силы отказались от социального и политического радикализма. Достигнут также и некий консенсус относительно этических ценностей. Они основаны на требованиях индивидуальной свободы, защиты прав личности и, вместе с тем, социальной ответственности, справедливости, и даже стремления к равенству. Это представление о сложности структуры гражданского общества как исторического феномена не должно восприниматься как что-то неожиданное, ведь идея о функциональной гетерогенности его частей довольно распространена (Арато, Грамши) [3, с. 51]. Высказывались и не лишённые историзма соображения о том, что гражданское общество в нашу эпоху и гражданское общество XVIII—XIX вв. есть два разных социальных явления [39, с. 500]. Хотя эта последняя идея, впрочем, очевидным образом нацелена на то, чтобы представить современное

гражданское общество не связанным с его буржуазной основой, что конечно «преждевременно».

Попытаемся охарактеризовать структуру современного западного гражданского общества, допустив, как принято, что это — единое целое. Считается, что в наше время основу гражданского общества составляют так называемые традиционные движения, осуществляющие связь различных форм общественной активности и отражающие стремление индивидов и групп к самоорганизации в общественно-политической жизни в противовес к «большой политике», осуществляемой государством. Их часто называют «волонтариат», то есть «добровольчество». Существование объединений волонтариата отражает стремление людей наполнить жизнь духом взаимопомощи и поддержки, стремление к прямым формам демократии, которые на уровне государства уже невозможны, но элементы которой еще могут быть живы в общественном самоуправлении. К гражданскому обществу относятся также различные политические и парapolитические организации через которые общественность пытается воздействовать на власть.

Обычно предлагается следующая градация негосударственных общественных объединений:

- политические партии и массовые политизированные движения;
- профессиональные союзы;
- творческие ассоциации и объединения;
- женские, молодежные, студенческие организации и движения;
- религиозные общины;
- землячества, этнические союзы;
- всякого рода общественные фонды;
- частные научно-исследовательские и образовательные центры;
- ассоциации ветеранов, спортсменов, болельщиков, экологов и др.

Следует добавить, что, по мнению современных социологов (Р. Дарендорф), важнейшими культурными предпосылками существования гражданского общества являются «лигатуры» [24, с. 22], т.е. ценности, не вырабатываемые государством и даже обществом (по крайней мере, преднамеренно): семья, община, церковь. Это традиционные ценности.

На наш взгляд такая структура гражданского общества неполна, мало того, она слишком явно нарушает локковско-гегелевское определение гражданского общества, согласно которому это общество основано на либеральной хозяйственной системе, то есть на частной собственности, дающей возможность (в принципе) каждому гражданину вести

независимый образ жизни и являющейся основой горизонтальных структурных связей в социальной системе. Значит, в состав гражданского общества также обязательно входят различные хозяйственные организации, корпорации, связанные с ними лоббистские структуры.

Даже сейчас, когда в моду вошли утверждения, что будто бы основой гражданского общества являются так называемые НКО (некоммерческие организации), большинство серьёзных исследователей всё же удерживает в своих теориях мысль о необходимости развития рынка и частной собственности как условия самого существования гражданского общества. Это признавал Юрген Хабермас, об этом пишут Бианка Пиетров-Эннкер и Галина Ульянова во вводной статье к недавно вышедшему сборнику статей, который в целом можно рассматривать как единое коллективное исследование по истории становления гражданского общества в России [8, с. 16] (на этой же странице авторы приводят мнение ещё одного авторитетного исследователя — Юргена Кокки о том, что развитие рыночных отношений является обязательной предпосылкой формирования гражданского общества).

В том же сборнике Лутц Хефнер, вроде бы тоже отмежевывающийся от понимания гражданского общества как общества буржуазного, всё же признаёт, что без рыночной экономики, частной собственности и договорного права нет ни общественности, ни гражданского общества [8, с. 60]. Между прочим, людям, которые подобно нам хорошо знакомы с реалиями бывшего советского общества, более чем понятна та простая мысль, что формирование различных собственнических и коммерческих интересов, в том числе и групповых, составляет ту несущую конструкцию, без которой в наш век не могут существовать никакие организации волонтерата. Мы ни в коем случае не утверждаем, что такая ситуация должна быть и будет всегда (упаси Бог!), мы только настаиваем на том, что в нашем современном мире это так.

Итак, с точки зрения исторической «гражданское общество» не может быть вечным социальным явлением. Таковых явлений попросту не бывает. Оно — важнейший элемент современного буржуазного общественного строя. В прошлом плюрализм и конкурентность, необходимые для развития общества, для инноваций, для обеспечения необходимой свободы творчества достигались иными средствами. В Античности и в Средневековье действовала некоторая фрагментарность общества: церковь, как иерархия, связанные сеньориально-вассальными отношениями феодальные клики, городские коммуны — все своим противоборством обеспечивали пространство известной свободы; в античности государство (полис, цивитас) действовало будучи строго ограниченным рамками общинных традиций, они обеспечивали известное равенство и, между прочим,

свободу. Также мы ничего не можем сказать о том, каков будет механизм обеспечения необходимой независимости индивидов, свободы творчества и контроля за властью в обществе будущего, которое уже так или иначе не будет буржуазным. Ясно, что этот механизм будет иным, но каким, можно будет говорить только по достижению этого самого «будущего». Переходящими из современной эпохи в последующую следует считать различные самодеятельные общественные организации, не связанные с жизнью буржуазного общества.

Коснёмся вопроса о развитии гражданского общества в нашем отечестве. Когда говорят о нашей стране, то обычно отмечают, что в своей истории Россия имела многие государственные и общественные институты, которые напоминают современное правовое государство и плюрализм гражданского общества, а иногда и действительно несут в себе его элементы. Так, в древней Руси имелись республиканские институты, а в эпоху Ивана IV и Екатерины II создавались учреждения самоуправления.

Современные отечественные и зарубежные историки спорят о времени появления гражданского общества в старой России. Авторы сборника «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX века» относят его интенсивное развитие ко второй половине XIX столетия, и это мнение преобладает. Но думается, что мы вправе утверждать, что некоторые элементы его появились в XVIII веке, как утверждает Б.Н. Миронов [21, с. 110—111; 29], а именно к последней трети XVIII столетия, «но не ранее». Тогда же зародились российская интеллигенция и общественное мнение. Правда, существования системы самодеятельных общественных организаций в это время в России ещё не прослеживается. Задача исторического исследования заключается в том, чтобы проследить стихийное складывание сообществ в городской жизни и в среде дворянства. В этом могут оказаться полезными соображения, высказанные в работе Лутца Хефнера: о том, что автократический характер государственной власти в определённых условиях не является препятствием для развития гражданского общества, что на ранних этапах развития гражданское общество может носить характер «местного общества», т.е. не иметь характера общенациональной системы. Термин «местное общество» («локальное») ставит такую историко-исследовательскую задачу в контекст успешно развивающейся на западе «локальной истории».

Устанавливая наличие местного общества, следует попытаться проследить систему коммуникаций, которые связывают жителей в единую группу, оформление коллективной идентичности, единой системы ценностей. В условиях России XVIII века, в жизни русского дворянства коммуникации, предположительно, должны были иметь

преимущественно форму «встреч» или «собраний», а не форму периодической печати. Появление элементов гражданского общества в России желательнее установить не только на уровне социального общения, но и на уровне общественного «дискурса», в том числе и в политической теории. Разумеется, для XVIII века можно заметить лишь некоторые элементы такого дискурса.

Что же касается до создания системы учреждений, функционирующей как гражданское общество, то традиционная для России авторитарная власть не поощряла многих и даже вовсе не допускала существования иных из них: партий, профсоюзов, организаций некоторых конфессий. В первой половине XIX века, например, самостоятельные общественные организации преследовались государством. Чтобы существовать они должны были получить одобрение императора через ходатайство Кабинета министров. В эпоху «великих реформ» русское общество имело высокий уровень «индекса либерализации»: множество издававшихся газет, журналов, изменение общественного настроения указывало на «оттепель» [6, с. 104]. Инициатором перемен выступило само государство, стремившееся к осуществлению модернизации. Ещё до создания земств, в 1862 г. процедура получения разрешения для учреждения общественной организации была значительно упрощена: надо было просто подать заявление в несколько министерств.

В начале XX века, а особенно после 17 октября 1905 года процесс создания гражданского общества в императорской России пошел быстрее, городской справочник за 1912 г. в одной Москве перечисляет более 600 обществ, организаций, клубов и объединений [4, с. 81]. Русские мыслители, юристы и социологи либеральной ориентации: П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий, М.Э. Острогорский сделали немалый вклад в развитие теории гражданского общества. Опираясь на теорию «естественных прав» и считая, что любая социальная реконструкция возможна лишь при соблюдении правовых гарантий для индивида, они раньше всех увидели опасность в пренебрежении правом перед лицом исторической целесообразности [30, с. 97—105].

К сожалению, позднее оформившееся тоталитарное государство постепенно уничтожило не только многие элементы гражданского общества, но и сами условия, необходимые для его развития. После революции произошла массовая эмиграция носителей идей гражданского общества. Существовало ли в этих условиях гражданское общество вообще — вопрос спорный. Если и существовало, то в неразвитых, искаженных, неадекватных формах. Но даже здесь, как считают многие историки, элементы общественной самоорганизации были [35, с. 237 и др.]. Между прочим, советское общество могло похвалиться массой столь любезных сердцу нынешних идеологов

некоммерческих организаций, но «самостоянием» они не обладали, может быть потому, что не было ни их экономической, финансовой самодостаточности, ни поддержки со стороны плюралистически организованной общественности, да и «диссидентские» движения и организации не обладали никаким общественным влиянием и кризис советского общества вовсе не их «заслуга».

В СССР сложилось так называемое «закрытое общество», если воспользоваться термином философов А. Бергсона и К.Р. Поппера. Мы не разделяем совокупности общественно-политических взглядов Поппера, но идея «закрытого общества» несёт в себе некоторое рациональное зерно. Как ни относиться к попперовскому теоретизированию, но нельзя не признать верной его характеристику советского общества как окаменевшей системы, культивировавшей примитивные формы коллективизма, покоившейся на отсутствии всякого плюрализма и вере в раз навсегда открытые и незыблемые исторические законы.

Согласно французскому социологу Д. Кола исторически «русская социальная структура характеризуется длительным отсутствием разделения между гражданским обществом и государством» [15, с. 306] и «вампиризмом» государства по отношению к крестьянству. Русское государство не было «пастырским» как либеральное государство Запада (между прочим, вопрос к Д. Кола: а было ли западное либеральное государство «пастырским» по отношению к индустриальным рабочим в XIX веке?). Коммунистическое государство СССР в 1920—1930 годы тем более страдало «вампиризмом» по отношению ко всем своим гражданам.

В связи с отказом общества от советского «социализма» как модели развития и возвращения (к худу или к добру) на буржуазные пути развития, самой жизнью была поставлена задача создания правового государства и гражданского общества. Естественно, вновь встали старые проблемы. Многие русские мыслители прошлого предупреждали о резкой конфликтности отношений общества и государства в России и о том, что здесь, в отличие от Европы, государство первенствует над общественными организациями (П.Н. Миллюков). П.Б. Струве говорил даже об антиобщественности государства и антигосударственности общества в России. Сейчас высказываются также опасения, что сама система ценностей, которыми традиционно живет русское общество, не очень хорошо сочетается с капитализмом, и, как следствие, не может быть и прочной основой для гражданского общества в западном смысле.

Прежде всего, имеется в виду, что индивидуализм в России не есть обычная норма ориентации личности, да и ценности традиционных для нашей страны религий «противоречат основным принципам гражданского общества» (то есть, попросту говоря,

православие и ислам антибуржуазны). Часто отмечается та безусловная истина, что в русском обществе не хватает культуры толерантности, без которой не сможет существовать общество столь преисполненное социальными противоречиями, как капитализм. Есть и опасный социальный фактор — население России благодаря «реформам» в массе своей не становится особенно богаче, а это тоже не поддерживает толерантности.

Отсюда делается вывод о том, что гражданское общество создать трудно, иногда критически настроенная демократическая «общественность» обвиняет современный политический режим в том, что он препятствует созданию НКО, пытается насадить псевдо-гражданское общество с помощью своих «прорабов», мешает деятельности таких «честных» предпринимателей как Ходорковский [9] и т.д. В итоге современные «либеральные» (т.е. идеологически западничающие) авторы приходят к печальному умозаключению, что в нашей стране создано не гражданское, а некое «антигражданское общество» [23, с. 30—32; 11, с. 33].

Но тут мы от истории и незаметно и органично вновь вернулись к современным проблемам, и, как представляется, наша позиция позволяет прояснить кое-какие моменты развития СССР и России рубежа XX—XXI вв. Прежде всего, если гражданское общество — действительно, буржуазное общество, то реставрация капитализма в нашей стране после 1988 года не могла произойти без его участия. И действительно, характерно пёстрый состав выступавших на разных улицах и площадях в защиту новорожденной российской «демократии» недвусмысленно свидетельствует о том, что это было движение гражданского (буржуазного) общества против режима почти уже сгнившего протосоциалистического государства. Кстати, Эндрю Арато и Джин Коэн различают фазу оформившегося гражданского общества и фазу его становления, учреждающую фазу, когда оно имеет движенческую форму [3, с. 50]. Помнится как один из авторов столь модной тогда передачи «Взгляд» с восторгом повествовал в эфире о том подъёме и чувстве единения, которое пережили во время событий 1991 года все борцы за демократию: предприниматели — «кооператоры», журналисты, «ребята — рекетиры» (!) и т. п.

Вышедшая на свет божий и прочно сформировавшаяся общественная организация и характеризуется вышеупомянутыми авторами (В.Г. Хорос, Н.В. Мотрошилова) как «антигражданское общество» — криминальные, мафиозные, коррумпированные бюрократические структуры, парадоксальным образом напоминающие гражданское общество, своего рода карикатура что ли на «настоящее» гражданское общество. На самом деле, то, что эти авторы называют «антигражданским обществом» — это и есть та

форма гражданского общества, что у нас только и возможна после того типа «термидора», что у нас произошёл. Приглядитесь, отчётливо видна некая «прочная структура», «прочная цепь крепостей и казематов» (в буквальном смысле), которая напоминает характеристику А. Грамши. Это общество, правда, не особенно гуманно и демократично, также оно не слишком стесняет себя правовыми нормами, но функционально, не говоря уже о его социальной природе, это — «гражданское общество». Мыслить иначе и мечтать о каком-то ином, «подлинном», «цивилизованном» гражданском обществе (вроде тех общественных структур, что имеются в современных Франции, Германии, скандинавских странах) — значит игнорировать принцип исторического детерминизма, предаваться откровенным беспочвенным фантазиям. Западное гражданское общество имеет правовой фундамент (в смысле буржуазного права), наше — мафиозный. Так получилось исторически, а значит, эта ситуация имеет силу необыкновенно жёсткого факта, чрезвычайной прочности.

Сдаётся, что ситуацию изменить в принципе невозможно, поскольку наше гражданское (антигражданское) общество создавалось теми силами, которые и осуществляли демонтаж «социализма». Но предположим на будущее, что ситуация всё же каким-то чудом изменится, и впрямь станет возможен «культурный» капитализм (предположение, надо сказать, почти фантастическое). В таком случае, при таком сценарии чтобы создать гражданское общество западноевропейского образца вновь будет необходима активная роль государства, (сложный вопрос о том, может ли наше государство само измениться, мы осторожно оставим в стороне). Но, повторимся, надежда на это очень слабая.

Список литературы

1. Айзенштадт М.П. Становление институтов гражданского общества в Великобритании // Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX—XX вв. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2007.
2. Анкерсмит Ф.Р. Репрезентативная демократия: Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2 (42).
3. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание — и направления для дальнейших исследований // Полис. 1995. № 3.
4. Брэдли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
5. Васильева В.А. Гражданское общество: идейно-теоритические истоки // Социально-политический журнал. 1997. № 4.

6. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России (истоки и современная проблематика) // Полис. 2000. № 3.
7. Гегель Г. В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
8. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н.Ульянова. М.: РОССПЭН, 2007.
9. Гражданское общество и государство. М.: Фонд Либерасьон, 2005.
10. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. М., 1991.
11. Гражданское общество в России. Мировой опыт и проблемы России. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
12. Грамши А. Избранные произведения: в 3-х тт. М., 1959. Т 3.
13. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. 1992. № 1—2.
14. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
15. Кола Д. Политическая социология. М.: Весь мир; Инфра-М, 2001.
16. Коэн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
17. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х тт. Т. 3. М., 1998.
18. Мареев С.Н. Гражданское общество: возвращение животности? // Восток: альманах. 2004. № 10. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_578.htm.
19. Маркс К. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1984.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3-х тт. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1970.
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 2. СПб: Дмитрий Буланин, 1999.
22. Мишель Фуко и Россия. СПб.; М., 2001.
23. Мотрошилова Н. В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6.
24. Мюллер-Шмидт П.П. Гражданское общество и демократия: системно-философские аспекты (системно-исторический подход) // Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. Вып.2. М.: Фонд развития полит. центризма, 2003.

25. Одинцова А.В. Гражданское общество: прошлое, настоящее, будущее // Социально-политические науки. 1991. № 12.
26. Овсянников М.Ф. Гегель. М.: Мысль, 1971.
27. Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного симпозиума. Вып. № 5. М., 2004.
28. Пул Р.А. Человек и гражданское общество в истории социальной мысли // Социс. 1991. № 9.
29. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011.
30. Серебряков С.Л. Цивилизационные основы формирования гражданского общества в России // Социально-политический журнал. 1995. № 2.
31. Фергюссон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.
32. Философия права Гегеля и современность / отв. ред. Д. А. Керимов. М.: Наука, 1977.
33. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad marginem, 1999.
34. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1992.
35. Шубин А.В. Гражданское общество в СССР // Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX—XX вв. М.: Ин-т Всеоб. истории РАН, 2007.
36. Black A. Guilds and Civil Society in European Political Thought from the twelfth Century to the Present. L., 1984.
37. Becker Marvin B., The Emergence of Civil Society in the Eighteenth Century: a Privileged Moment in the History of England. Scotland and France, 1994.
38. Civil Society. Berlin Perspectives (ed. by John Keane). Berghahn Books, 2007.
39. Grossberg Michael, A Response to Marvin Becker, “Essay on the Vicissitudes of Civil Society with Special Reference to Scotland in the Eighteenth Century” // Indiana Law Journal. Vol. 72. Issue 2. 4—1—1997.
40. Trentmann F. Paradoxes of Civil Society. Introduction // Paradoxes of Civil Society. New Perspectives on Modern German and British History / ed. by Frank Trentmann. N.Y. — Oxford, 2003.